

Послушавшись Вэнь Жуня, все перераспределились под одеялами. Он заодно ощупал постель — одеяла и вправду тонкие. Видимо, придётся сшить ещё пару тёплых, ведь зимы здесь суровые.

После этого погасили свет и легли спать.

Но для Вэнь Жуня эта ночь была первой в новом доме, всё казалось чужим, и от малейшего шороха он просыпался.

Спал он неважно, а потому на следующий день встал рано. Готовить он умел мало что, но сварил просовую кашу и четыре яйца — по одному на каждого.

В доме не было ни солений, ни соевого соуса — жизнь у детей была по-настоящему бедной.

Вэнь Жунь привёл себя в порядок, но не стал снимать вчерашнюю новую одежду. Взял с собой кувшин вина из приданого, прихватил домовую книгу, поднял на руки сестрёнку и, с двумя братьями за собой, пошёл звать дядю Яна. Тот проводил его к дому старосты.

По дороге Вэнь Жунь узнал, что в Ляньхуаао всего двадцать восемь дворов и чуть больше ста жителей.

Дары гор невелики: в основном грибы, древесные уши и немного бамбуковых побегов.

Крупных зверей почти нет, разве что волки, зайцы и фазаны — но их можно добыть, только углубившись в горы на два перевала.

У троих детей, конечно, таких навыков не было.

Раньше в деревне было тридцать домов, но семья второго дяди Ванов уехала ещё до приезда Вэнь Жуня.

Ещё один дом исчез совсем — в нём прекратился род.

Дом старосты был довольно просторным: три кирпичных комнаты с белёными стенами — выглядело неплохо.

Но в глазах Вэнь Жуня это всё равно было просто «неплохо», а не роскошно.

Он помнил великолепные южные усадьбы, например, в Хуэйчжоу — настоящие шедевры архитектуры.

А дом старосты — всего лишь обычная крестьянская усадьба, пусть и из обожжённого кирпича.

Во дворе бегали десятки пушистых гусят — невероятно милых.

Вэнь Жунь поставил сестрёнку на землю и, вместе с братьями, последовал за дядей Яном в дом — но только в общую комнату, в спальни их не пустили.

— Староста, это «брат по договору» Ван Цзюня, — представил его дядя Ян.

В деревне не было принято торжественно представлять людей — такая формулировка уже означала, что Вэнь Жунь теперь имеет отношение к деревне.

— Уважаемый староста, ученик Вэнь Жунь, нежный, как нефрит, — произнёс Вэнь Жунь, вежливо поставив сестрёнку на пол и совершив поклон, положенный книжнику.

— Ученик? А ты кто такой? — спросил староста, хотя прекрасно знал ответ.

— Я суйцай из уездной академии, — спокойно ответил Вэнь Жунь, стоя прямо, как молодой бамбук, и защищая троих детей за спиной. Он не выглядел ни униженным, ни подавленным от того, что «выйдя замуж», остался без «мужа». — Недавно сдавал экзамены в областном центре, результаты ещё не объявлены, но в нашем уезде я — линшэнь.

Староста ничего не знал об академиях — в Ляньхуаао никто не учился: не хватало денег даже на частную школу, не то что на государственную.

Но услышав, что перед ним суйцай, он сразу оживился:

— Ах, проходите, садитесь! Жена, принеси мёдовой воды!

В деревне даже у старосты не было чая для гостей, но мёдовая вода — уже большая честь.

Дети послушно уселись на стулья, прижавшись друг к другу.

Староста заметил заботу Вэнь Жуня о детях и сочувственно сказал:

— Вэнь-суйцай, тебе, наверное, нелегко пришлось... переехать сюда.

— Всё в порядке, — спокойно ответил Вэнь Жунь. — Раз уж пришлось сюда попасть — так уж и жить здесь.

— Все зовут меня дядя Чжан, — засмутился староста. — Не надо так официально — «староста»... Это мой первый раз, когда я разговариваю с настоящим суйцаем!

Вчера он смотрел на этого молодого человека с настороженностью: ведь Ван Цзюнь ушёл в армию ещё до его приезда, и все надеялись лишь на то, что он не обидит троих сирот.

Но сегодня впечатление было хорошим.

— Дядя Чжан, — легко согласился Вэнь Жунь. — Ученик кланяется вам.

Он заметил: каждый раз, как он совершал поклон, деревенские замирали — они никогда не общались с книжниками, тем более с суйцаем.

— Хорошо, Вэнь-суйцай, — неловко кашлянул дядя Чжан. — Говори, зачем пришёл — не стесняйся.

Визит, конечно, был не просто вежливостью:

— Мне нужно оформить перенос домовой регистрации. Поскольку у меня есть учёная степень, я обязан зарегистрироваться здесь. Также есть вопросы по земельным участкам — нужно кое-что уладить. Кроме того, результаты экзаменов в областном центре ещё не объявлены, но мне уже нужно обновить адрес в документах...

В древности система домовых книг была несовершенной, но для того чтобы обосноваться в новом месте, без прописки не обойтись — особенно книжнику.

Младший дядя Вэнь Жуня просто не знал законов: земли, записанные на имя суйцай, нельзя было продать без его согласия. Ведь в документах на эти земли значилось освобождение от налогов, а значит, любая сделка требовала личного присутствия владельца с его домовой книгой в управе.

В ту эпоху существовали три основных вида имущественных документов:

— Тяньцзе — договор на землю (пашню);

— Дицзе — договор на территорию (например, купленную гору или рудник);

— Фанцзе — договор на дом (обычно с чертежами или планами).

Эти документы имели юридическую силу только при наличии владельца или его наследника, и все они регистрировались в управе.

Кроме того, существовали два типа договоров:

— «Хунцзе» («красный договор») — заверенный печатью управы (с красным оттиском);

— «Байцзе» («белый договор») — частная сделка без участия властей, с подписями только сторон. Такой договор не регистрировался, и формально считался действительным лишь между покупателем и продавцом, но на практике часто приводил к спорам — ведь у кого документ, тот и владелец.

Оформление через управу требовало немалых денег.

Но зато давало гарантии: по крайней мере, императорская власть официально признавала ваше право на собственность.

«Байцзе» («белый договор») такой защиты не давал, зато позволял обойтись без властей и не платить пошлин.

К тому же «байцзе» часто использовали как способ скрыть богатство. Некоторые семьи регистрировали в управе лишь часть имущества — ровно столько, сколько соответствовало их официальному статусу. Остальное хранилось «в тени».

В древности домовая книга делилась на высший, средний и низший разряды. Высший — для землевладельцев и уважаемых горожан: у них были земли, дома, лавки. С такими всегда считались, но и требовали больше — особенно в случае бедствий или сбора налогов.

Поэтому в старину говорили: «Не выставляй богатство напоказ».

Многие семьи, формально числившись в среднем разряде и платя соответствующие налоги, на деле владели состоянием, достойным высшего сословия.

Чем богаче семья — тем больше налогов она платила. А беднякам и так нечего взять: даже если «выжимать кости до мозга», много ли выручишь?

Поэтому главным принципом было — прятать богатство.

Если же кто-то хотел превратить «байцзе» в «хунцзе» («красный договор»), ему приходилось платить немалую пошлину и иметь связи в управе.

А уж Вэнь Жунь, будучи не просто суйцаем, а линшэнем — лучшим из суйцаев, — и подавно не мог использовать «белые договоры».

Вся его собственность автоматически освобождалась от налогов и повинностей, а значит, должна была быть оформлена только как «хунцзе» — с полной регистрацией в управе.

<http://bllate.org/book/15642/1398022>